

УДК 159.9 + 316.6

Шаповал Н. В.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

ДЕСТРУКТИВНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Несмотря на видимые успехи современной западной цивилизации, серьезной проблемой продолжает оставаться подавление личности обществом, а также напряжение, переходящее в открытое противостояние между индивидом и обществом. Существовая в человеческом обществе с начала истории, в наше время данное противостояние проявляется особенно остро в деструктивном поведении индивидов. В статье проанализированы различные формы человеческой деструктивности, а также выявлены ее причины и глубинные основания. Человеческое поведение в его конструктивных и деструктивных проявлениях рассмотрено применительно к биологическим и психологическим свойствам человека, социальным отношениям, а также его духовной природе.

Ключевые слова: деструктивность, человек, деструктивная личность, социальные структуры, нарушение.

Незважаючи на очевидні успіхи сучасної західної цивілізації, серйозною проблемою лишається придушення особистості суспільством, а також напруга, що переходить у відкрите протистояння між індивідом та суспільством. Існуючи в людському суспільстві з початку історії, в наш час це протистояння проявляється особливо гостро у деструктивності поведінки індивідів. У статті проаналізовані різні форми людської деструктивності, а також виявлені її причини та глибинні підстави. Людську поведінку в її конструктивних і деструктивних проявах розглянуто стосовно біологічних і психологічних властивостей людини, соціальних відносин, а також її духовної природи.

Ключові слова: деструктивність, людина, деструктивна особистість, соціальні структури, порушення.

Despite the obvious successes of modern Western civilization, the suppression of the individual by society continues to be a serious problem, as well as the tension that is turning into an open confrontation between the individual and society. Having existed in human society since the beginning of history, in our time this confrontation is especially acute in the destructive behavior of individuals. The article analyzes various forms of human destruction, its causes and abstruse reasons. Constructive and destructive manifestations of human behavior are considered in relation to the biological and psychological characteristics of person, social relations, as well as his spiritual nature.

Keywords: destruction, person, destructive person, social structures, violation.

Человеческая жизнедеятельность представляет собой единство конструктивного и деструктивного начал. Деструктивность в многообразии форм своего проявления является неизменной спутницей человечества с момента, когда человек стал осознавать, что он тесно связан как с природой, так и с культурой. В ходе истории человеческая деструктивность приобретала всё новые и новые формы, наполняясь всё более острым и даже трагическим содержанием.

Прошедший XX век с ужасающей наглядностью продемонстрировал человечеству, во что может вылиться распространение разрушительных тенденций в обществе. Многочисленные революции, восстания и перевороты, две мировые войны (причем – с применением оружия массового поражения), накопление невероятных по своим масштабам арсеналов ядерного, химического и бактериологического оружия отнюдь не вселяют оптимизм. Социалистический социальный эксперимент на территории бывшего СССР, приведший к краху политической системы страны, обнищанию большинства людей, кризису всей духовно-нравственной сферы показывает, какими хрупкими являются социальные структуры. Деятельность новейших средств массовой информации, манипулирующих массовым сознанием, «зомбирующих» людей на всех уровнях, культивирующих насилие и агрессию, подстрекающих к деструктивному поведению говорит о том, что человек сегодня подвергается тяжелейшим испытаниям, быть может, переживая один из самых критических моментов своей истории.

Несмотря на видимые успехи современной западной цивилизации, серьезной проблемой продолжает оставаться подавление личности обществом, напряжение, переходящее

в открытое противостояние между индивидом и обществом. Существовая в человеческом обществе с начала истории, в наше время данное противостояние проявляется особенно остро. Становится очевидным, что переход к постиндустриальному и информационному обществу не решает многочисленных проблем отношений в плоскости человек /общество, а в некоторых случаях даже усугубляют их.

Как отмечал Ж. Бодрийар, сообщества, перенасыщенные информацией и техникой, на фоне качественных изменений ритма и стиля жизни, из-за превышения своей критической массы начинают порождать своего рода отрицательную энергию, которая разрушает общество и индивида как бы изнутри. «Когда техника делает доступным все, что угодно, я уже не могу решить, что полезно, а что бесполезно; пребывая в недифференцированном мире, я не в состоянии решить, что прекрасно, а что безобразно, что хорошо, а что плохо, что оригинально, а что нет» [3, с. 8]. В ситуации, когда принять какое-либо осознанное, рациональное решение становится невозможным, наступает противоположная реакция – неприятие и отвращение как единственная защита от переизбытка.

Рассматривая формы человеческой деструктивности, Э. Фромм отмечал, что одной из наиболее мощных мотивационных сил, побуждающих людей к тому или иному виду деятельности, является конфликт между стремлением к свободе и стремлением к безопасности. Развитие человеческой свободы и самое человеческое существование носит амбивалентный характер: «С одной стороны, – это процесс развития человека, овладения природой, возрастания роли разума, укрепления человеческой солидарности. Но с другой – усиление индивидуализации означает и усиление изоляции, неуверенности; а, следовательно, становится все более сомнительным место человека в мире и смысл его жизни» [7, с. 40].

Развитие человечества протекало отнюдь не гармоничным образом, в том числе и потому, что обе стороны этого развития – растущее могущество и растущая индивидуализация – не уравновешивали друг друга. Не случайно история человечества, по Фромму, – это история конфликтов и разладов.

Указанный конфликт порождает явление, названное Э. Фроммом «бегством от свободы». Психологические механизмы «бегства» могут быть различными, но все они находятся в русле стремления к подчинению или господству, то есть в мазохистских и садистских тенденциях.

Мазохисты переживают чувства собственной неполноценности, беспомощности, ничтожности. Они постоянно проявляют зависимость от внешних сил: от других людей, государственных организаций или природы. Такие люди «стремятся не утверждать себя, не делать то, чего им хочется самим, а подчиняться действительным или воображаемым приказам этих внешних сил. Часто они попросту не способны испытывать чувство “я хочу”, чувство собственного “я”. Жизнь в целом они ощущают как нечто подавляюще сильное, непреодолимое и неуправляемое» [7, с. 85].

Противоположностью мазохистским наклонностям выступают садистские. Фромм выделяет три вида садистских тенденций. Первый – это «стремление поставить других людей в зависимость от себя и приобрести полную и неограниченную власть над ними, превратить их в свои орудия, «лепить, как глину»» [7, с. 86]. Второй тип – это «стремление не только иметь абсолютную власть над другими, но и эксплуатировать их, использовать и обкрадывать, так сказать, заглатывать все, что есть в них съедобного. Эта жажда может относиться не только к материальному достоянию, но и к моральным или интеллектуальным качествам, которыми обладает другой человек. Третий тип садистских наклонностей состоит в стремлении причинять другим людям страдания или видеть, как они страдают. Страдание может быть и физическим, но чаще это душевное страдание» [7, с. 86].

По мнению Э. Фромма, существуют следующие наиболее вредные и опасные формы деструктивных ориентаций человека: любовь к мертвому или некрофилия, закоренелый нарциссизм и симбиозно-инцестуальное влечение. «Взятые вместе, – подчеркивает мыслитель, – они образуют “синдром распада”, который побуждает человека разрушать ради разрушения и ненавидеть ради ненависти» [8, с. 12].

Одной из форм человеческой деструктивности в ее психологическом плане являются «комплекс неполноценности» и «комплекс превосходства», открытые А. Адлером. Австрийский психолог утверждает, что первый связан с прошлым и говорит человеку

о каких-то недостатках, какой-то неадекватности, имевшей место в прошлом, и от которой индивид хотел бы избавиться. Второй связан с будущим и нацеливает человека на какие-то стремления, завоевания, которые позволили бы ему подняться на более высокую ступень. Эти два комплекса неразрывно связаны друг с другом, ибо преодоление каких-то недостатков или несовершенств как раз и будет означать достижение новых вершин человеческого существования. «Стремление к превосходству, – подчеркивает исследователь, – фактически формирует разум и психику человека» [1, с. 33].

Однако нередко стремление к превосходству приобретает нездоровые формы и ведет к деструктивному поведению. Существует немало людей, которым не хватает мужества для того, чтобы принимать ответственные решения и совершать решительные действия, вследствие чего они довольствуются выдумками и фантазиями. Не чувствуя в себе силы, они бесконечно откладывают начало каких-то действий, идут в обход, стремятся избежать малейших трудностей. Благодаря такому своеобразному «бегству», они поддерживают в себе ощущение, что они сильнее и умнее, чем это есть на самом деле. Адлер говорит, что примерами такого рода отношения к жизни является воровство, к которому прибегают дети из чувства превосходства, чтобы показать, что они умные, хитрые, изворотливые, хотя на самом деле подобное поведение является деструктивным. Преступность, по мнению ученого, является результатом именно ложно понимаемого «комплекса превосходства», а не какой-то изначальной биологически обусловленной «испорченности» человека [1].

Однако останавливаться только на биологических или психологических сторонах деструктивности было бы неверным. Как подчеркивал Э. Фромм, «данные антропологической науки показали, что инстинктивистская интерпретация человеческой разрушительности не выдерживает критики. Необходимо учитывать социальную составляющую. Хотя во всех культурах имеет место тот факт, что люди спасаются от какой-либо угрозы либо борьбой, либо бегством, жестокость и деструктивность в большинстве обществ остаются на таком низком уровне, что их объяснение с помощью “врожденных” страстей явно не может никого убедить» [6, с. 239]. Более того, факты свидетельствуют, что менее цивилизованные общества проявляют меньшую агрессивность, чем более развитые цивилизации. Это полностью опровергает мнение о том, что деструктивность является частью так называемой «человеческой природы». Следовательно, деструктивность нельзя рассматривать исключительно как результат биопсихологических проявлений и аномалий, ее можно понять лишь как результат целого комплекса причин, затрагивающих как биологическую, так и социальную природу человека.

Деструктивными могут быть целые общества. Э. Фромм различает жизнеутверждающие, недеструктивные, но всё же агрессивные общества и деструктивные общества [6, с. 225–227]. Деструктивные общества «отмечены агрессивностью, жестокостью, разрушительными наклонностями своих членов. <...> В обществе царит воинственный дух, враждебность и страх; широко распространены коварство и предательство. Большую роль в целом играет частная собственность (если не на материальные ценности, то хотя бы на символы), потому в значительной степени развито соперничество (конкуренция). Общество строго иерархично, часто ведет войны» [6, с. 225]. Такие общества по своей сути являются жестокими или деструктивными, и могут быть названы садистскими или некрофильскими [6, с. 227].

Анализируя те или иные общества на предмет их деструктивности, нельзя упускать из виду религиозную составляющую. По мнению Фромма, в различных культурах человек, преданный тем или иным религиозным верованиям, часто совершает невероятные жестокости, не имея видимых, четко осознаваемых деструктивных мотивов.

Однако даже социальные корни деструктивности не могут рассматриваться как исчерпывающие. Существуют более глубокие основания, заставляющие обратиться к духовным сторонам жизни человека.

Касаясь духовных сторон деструктивности, Бонхёффер писал: «Где уже не знают, кто кому и чем обязан, где угасло чувство качества человека и сила соблюдать дистанцию, там хаос у порога. Где ради материального благополучия мы миримся с наступающим хамством, там мы уже сдались, там прорвана дамба, и в том месте, где мы поставлены, потоками разливается хаос, причем вина за это ложится на нас» [3, с. 32].

С позиций духовных оснований рассматривает проявления человеческой деструктивности Н. А. Бердяев. Его философские подходы базируются на убеждении в значимости духовной составляющей человеческой жизнедеятельности в ее конструктивных и деструктивных проявлениях. Философ называет разрушительные, деструктивные проявления «бесиализмом» (от слова «бес» или «бесовство»). «То, что сейчас происходит в мире, – писал Бердяев в 30-е годы XX века, – не есть даже кризис гуманизма, – это тема второстепенная, а кризис человека. Ставится вопрос о том, будет ли то существо, которому принадлежит будущее, по-прежнему называться человеком» [2, с. 324]. Происходит тотальная дегуманизация во всех областях культуры и общественной жизни. Человек перестал быть не только высшей ценностью, но и ценностью вообще. «Молодежь всего мира, – указывал философ, – коммунистическая, фашистская, национал-социалистическая и просто увлеченная техникой и спортом, настроена не только антигуманистически, но часто и античеловечно» [2, с. 324].

Человеку XX века присуща «бестиальная жестокость», и она поразительна тем, что имеет место «на вершинах рафинированной человечности», когда, казалось бы, варварские проявления уже невозможны. «Бестиализм, – подчеркивает Бердяев, – есть варварство внутри уже утончившейся цивилизации <...> Тут атавизм варварских инстинктов преломлен в цивилизации и потому имеет патологический характер. Бестиализма <...> не существует в животном мире, который принадлежит к другой иерархической ступени бытия, имеет свое оправдание и назначение. Животное стоит много выше бестиализированного человека» [2, с. 325]. Бестиализм является порождением войны, есть «отравленность кровью войны». «Война, – говорит Бердяев, – пробудила древние инстинкты – расовые, национальные, инстинкты власти и насилия, инстинкты мести, но эти инстинкты осуществляются в формах технической цивилизации» [2, с. 326]. Всё это ведет к достаточно печальным последствиям. Человек как целостное существо исчезает. Отдельные частные элементы человека предъявляют права на верховное значение в жизни. «Самоутверждение этих разорванных элементов в человеке, – подчеркивает Бердяев, – не сублимированных элементов подсознательного, сексуального влечения или воли к преобладанию и могуществу, свидетельствуют о том, что целостный образ человека исчезает и уступает место нечеловеческим природным элементам. Человека нет, есть лишь функции человека» [2, с. 327].

Альбер Камю говорит о деструктивности человека, столкнувшегося с абсурдом внешнего мира, который приводит в хаотическое состояние его духовный мир. В то время, когда жил философ, абсурд обнаруживал себя повсюду. Автор определяет это как болезнь духа. Фундаментальным вопросом философии, согласно Камю, является вопрос не о том, что первично, материя или сознание, а вопрос о том, стоит ли жизнь того, чтобы быть прожитой. Всё остальное – вторично и менее значимо. Множество людей заканчивает жизнь самоубийством, поскольку жизнь, по их мнению, не стоит того, чтобы ее прожить. Камю замечает, что обычно самоубийство как деструктивное действие по отношению к самому себе рассматривается исключительно как социальный феномен. Однако необходимо ставить вопрос о связи самоубийства с духовными сторонами человеческого существования, с его мышлением. «Стоит мышлению начаться, и оно уже подтачивает. Поначалу роль общества здесь не велика. Червь сидит в сердце человека, там его и нужно искать. Необходимо понять ту смертельную игру, которая ведет от ясности в отношении собственного существования к бегству с этого света» [5, с. 3].

Чувство абсурда может проявляться в различных отношениях: в отношении человека к миру природы, к другим людям, в бессилии его интеллекта перед иррациональностью вселенной, а также – через осознание неизбежности смерти. В первом случае чувство абсурда возникает как ощущение плотности, независимости и чуждости мира, в котором пребывает человек. «Сквозь тысячелетия восходит к нам первобытная враждебность мира» [5, с. 10]. Интеллект также говорит нам об абсурдности мира, разум всегда лишь только претендует на полную ясность, но никогда её не достигает, а все доказательства, в конечном счёте, оказываются ложными. Ум человека поработён миром и до конца дней его окружает иррациональное. Но не только мир, а и сами люди также являются источниками нечеловеческого. Для наблюдателя, находящегося в состоянии ясности ума, механические действия других людей лишены смысла и явлены во всей своей иррациональности. Философ замечает, что тема абсурда волновала многие великие умы древности и современности.

Несмотря на различия в целях и подходах, их всех объединяло общее ощущение неизреченности вселенной, где царствуют тревога, антиномия, противоречие и бессилие.

Итак, если попытаться дать предельно обобщенное толкование деструктивности, то следует указать, что она проявляется в форме нарушения и /или разрушения определенных структур физического, психологического, социального или духовного свойства под влиянием деятельности человека. Деструктивности могут подвергаться: 1) структуры человеческого тела; 2) социальные связи и отношения; 3) духовные стороны человеческой жизни. Когда речь идет о нарушении или разрушении человеческого тела, то здесь имеется в виду реальное насилие, приводящее к ранениям, убийствам и иным такого же рода явлениям, происходящим в результате прямых действий конкретных деструктивных личностей по отношению к их жертвам. Сюда же относятся описанные классиками психоанализа явления мазохизма и садизма.

С психологической точки зрения, человеческая деструктивность выступает в виде психологического насилия или агрессии как по отношению к внешним объектам, так и по отношению к самому себе.

Социальные структуры – семья, род, малая социальная группа, нации, расы, классы или социальные страты, религиозные конфессии – также могут подвергаться той или иной степени деструкции, заключающейся в том, что нарушается ход их существования и развития, крайним выражением чего являются деградация и гибель.

Что касается духовных отношений, то деструктивность здесь может выступать в целенаправленном разрушении структур нравственного сознания, систем ценностей, религиозных святынь, которые предшествуют или сопровождаются разрушительными войнами, иноземными завоеваниями, стремлением обратить покоренные народы в рабство.

Таким образом, вполне понятно то, что в отношении некоторых разрушительных действий людей высказываются отрицательные оценочные суждения. Однако необходимо подчеркнуть, что исследование деструктивной деятельности человека с позиции негативности ее последствий не означает завершенности в ее осмыслении. Следовательно, настаивать на исключительно отрицательных коннотациях по отношению к деструктивности было бы неверным. Такой подход затрагивал бы только одну сторону активности человека, оставляя без внимания многомерный и неоднозначный потенциал его разнообразной деятельности. Не ставя целью данной работы рассмотрение позитивной составляющей деструктивности, вместе с тем заметим, что она заслуживает не меньшего внимания к себе, чем и отрицательная. Во-первых, далеко не всякое разрушение следует считать чем-то негативным; во-вторых, в деятельности людей созидательные и разрушительные моменты так тесно переплетены, что нередко очень непросто отделить одно от другого; в-третьих, для того, чтобы создать что-то новое, часто необходимо подвергнуть серьезной деструкции, разрушению старое. Однако все это составляет предмет следующего нашего исследования.

Подводя же итог данного исследования, отметим, что основные формы человеческой деструктивности могут определяться: 1) физиологическими и психологическими свойствами человека; 2) лежать в плоскости социальных отношений; 3) вытекать из духовной природы человека. Соответственно, от того, какие формы деструктивности и их последствия станут определяющими в каждом конкретном случае, будут зависеть пути и способы их нейтрализации и минимизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адлер А. Наука жить : [электронный ресурс] / А. Адлер ; [пер. с нем]. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Adler/_Nauka_index.php.
2. Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире / Н. А. Бердяев. – Философия свободного духа. – М. : Республика, 1994. – С. 317–362.
3. Бодрийяр Ж. Город и ненависть : [электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр.]. – Режим доступа : http://www.ruthenia.ru/logos/number/1997_09/06.htm.
4. Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность / Д. Бонхёффер ; [пер. с нем]. – М. : Прогресс, 1994. – 344 с.
5. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / Альбер Камю ; [пер. с фр.] // Камю А. Бунтующий человек. – М. : Политиздат, 1990. – С. 23–100.

6. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности : [электронный ресурс] // Эрих Фромм ; [пер. с англ. Э. М. Телятникова, Т. В. Панфилова]. – Режим доступа : http://royallib.com/book/fromm_erih/anatomiya_chelovecheskoy_destruktivnosti.html.
7. Фромм Э. Бегство от свободы : [электронный ресурс] / Эрих Фромм ; [пер. с англ. Г. Ф. Швейника]. – Режим доступа : <http://pramen.io/wp-content/uploads/2016/04/Эрих-Фромм.-Бегство-от-свободы.pdf>.
8. Фромм Э. Душа человека : [электронный ресурс] / Эрих Фромм ; [пер. с англ В. А. Закса]. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/from/index.php.

УДК 141.319.80432

Камардаш Н. В.

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

ДІАЛЕКТИЧНА ВЗАЄМОДІЯ ОСВІТИ Й СУБ'ЄКТИВНОСТІ ЯК ПРЕДМЕТ ФІЛОСОФСЬКОГО АНАЛІЗУ

Для забезпечення ефективності та результативності освітньої системи необхідно володіти інформацією щодо внутрішніх та зовнішніх детермінант її функціонування. Метод системного й критичного аналізу, міждисциплінарний підхід дозволили здійснити експлікацію освітньої ситуації постмодерну в контексті проблеми сутності та екзистенції суб'єктивності в онтологічних умовах глобалізації та інтернаціоналізації світового процесу. На тлі проблеми генезису освітньої системи простежено трансформацію суб'єктивності, визначений взаємозв'язок соціального, економічного, культурного та освітнього, дана філософська оцінка ревізії освітніх тенденцій в умовах постмодерну. Зроблено акцент на проблемі духовності, кореляції духовного і соціального, мови та практики в структурі суб'єктивності та місця освіти в системі соціалізуючих факторів.

Ключові слова: освітні практики, суб'єктивність, постмодернізм, духовність.

Для эффективности и результативности образовательной системы необходимо обладать информацией о внутренних и внешних детерминантах ее функционирования. Метод системного и критического анализа, междисциплинарный подход позволили осуществить экспликацию образовательной ситуации постмодерна в контексте проблемы сущности и экзистенции субъективности в онтологических условиях глобализации и интернационализации мирового процесса. На фоне проблемы генезиса образовательной системы прослежена трансформация субъективности, определена взаимосвязь социального, экономического, культурного и образовательного, дана философская оценка ревидии образовательных тенденций в условиях постмодерна. Сделан акцент на проблеме духовности, корреляции духовного и социального, языка и практики в структуре субъективности и места образования в системе социализирующих факторов.

Ключевые слова: образовательные практики, субъективность, постмодернизм, духовность.

It is necessary to have information about the internal and external determinants of educational system for the efficiency and performance its functioning. The method of system and critical analysis, the multidisciplinary approach, allowed the explication of the postmodern educational situation in the context of the problem of the essence and existence of subjectivity in the ontological conditions of globalization and the internationalization of the world process. On the basis of the analysis of the genesis of the education system, a transformation of subjectivity was revealed, interconnection of social, economic, cultural and educational factors were identified, a philosophical assessment of changes educational trends in postmodern conditions was conducted. The main attention is paid to the issue of spirituality, the relation between spiritual and social, language and practice in the structure of subjectivity and place of education in the system of socialization.

Key words: educational practices, subjectivity, postmodernism, spirituality.

Освіта як інститут, що пройшов тривалий шлях свого становлення, аби існувати у звичній для сьогодення формі, а також його сучасні трансформації, зміст і методи педагогічної діяльності є предметом дискусій для багатьох причетних до освітньої проблеми фахівців. Філософський аналіз зазначеної проблеми орієнтований на критичне сприйняття взаємозв'язку